

Туркин И.А. «Культура отмены» как инструмент борьбы режимов мнемонической безопасности // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 101-114. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_101

УДК 327

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_101

«Культура отмены» как инструмент борьбы режимов мнемонической безопасности

Илья Андреевич Туркин

Томский государственный университет

г. Томск, Россия

E-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

Поступила в редакцию 14.06.2024, поступила после рецензирования 31.07.2024, принята к публикации 06.09.2024

Целью статьи является выявление специфики «культуры отмены» в контексте политики памяти. Для достижения данной цели ставятся следующие исследовательские задачи: а) теоретически обосновать использование понятия «режим мнемонической безопасности» в качестве инструмента анализа «культуры отмены» как новой формы социального остракизма; б) рассмотреть функционирование режимов мнемонической безопасности в условиях цифровизации. На основе анализа научной литературы по режимам памяти и теории международных режимов автор статьи определяет режим мнемонической безопасности как политический проект, включающий символы прошлого и основывающийся на формальных и неформальных институтах, которые ограничивают действия акторов для достижения долгосрочного блага. Подчеркивается, что на фоне осыпания «глобальной» мемориальной культуры доминируют антагонистические режимы мнемонической безопасности, а ключевым инструментом борьбы альтернативных проектов прошлого становится «культура отмены». Выделяются характерные черты современной реальности, влияющие на трансформацию образов прошлого и появление «культуры отмены». Во-первых, конфликт «старых» и «новых» режимов мнемонической безопасности. Во-вторых, отсутствие у акторов ресурсов для установления своего режима мнемонической безопасности в качестве всеобщего. В-третьих, отказ от делиберации в пользу конфликта как способа разрешения противоречий. Также в статье анализируется специфика функционирования режимов мнемонической безопасности в условиях цифровизации. Выявляются ключевые стратегии сохранения своего и маргинализации чужого режима мнемонической безопасности – апелляция к справедливости и апелляция к исторической правде. Делается вывод о том, что характерными чертами современного мемориального дискурса выступают атомарность и конфликтность.

© Туркин И.А., 2024

Ключевые слова: политика памяти, мемориальный дискурс, режим мнемонической безопасности, режим памяти, режим безопасности, политический проект, конфликт, «культура отмены», цифровизация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Cancel Culture as a Tool in the Struggle of Mnemonic Security Regimes

Ilya A. Turkin

Tomsk State University

Tomsk, Russia

E-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

Received 14.06.2024, revised 31.07.2024, accepted 06.09.2024

Abstract. The purpose of this article is to identify the specifics of cancel culture in the context of politics of memory. To achieve this, the author addresses the following objectives: a) to theoretically justify the use of the concept of “mnemonic security regime” as a tool for analyzing cancel culture as a new form of social ostracism, b) to examine the functioning of mnemonic security regimes in the context of digitalization. Based on an analysis of scientific literature on memory regimes and international regime theories, the author concludes that a mnemonic security regime is a political project incorporating symbols of the past, built on formal and informal institutions that limit the actions of actors to achieve long-term good. It is emphasized that in the context of the decline of “global” memory culture, antagonistic mnemonic security regimes dominate, with cancel culture becoming a key tool in the struggle between alternative projects of the past. The article highlights several features of modern reality that influence the transformation of images of the past and the rise of cancel culture. First, the conflict between “old” and “new” mnemonic security regimes. Second, the lack of resources for actors to establish their mnemonic security regime as universally accepted. Third, the rejection of deliberation and the choice of conflict as a way to resolve contradictions. The article also examines the specifics of functioning of mnemonic security regimes in the context of digitalization. It identifies key strategies for maintaining one’s own mnemonic security regime while marginalizing others, including appeals to justice and to historical truth. The study concludes that atomization and conflict are defining characteristics of modern memorial discourse.

Keywords: politics of memory, memorial discourse, mnemonic security regime, memory regime, security regime, political project, conflict, cancel culture, digitalization

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>

For citation: Turkin I.A. Cancel Culture as a Tool in the Struggle of Mnemonic Security Regimes, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 101-114. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_101

Введение

«Глобальная» мемориальная культура долгое время держалась на трех столпах: обязанность разобраться с прошлым, обязанность помнить, справедливость для жертв. Эти принципы организации памяти основывались на уникальном опыте проработки прошлого Германией. Однако этот опыт, как выяснилось, не учитывает память за пределами Европы и плохо применим для остальных государств. Сегодня на наших глазах происходит отказ от «нюрнбергского консенсуса» и осыпание «глобальной» мемориальной культуры (Миллер 2024). Это выражается в том, что ключевой категорией для описания взаимодействия разных режимов памяти является конфликт. Исследователи все чаще говорят о секьюритизации памяти, дилемме мнемонической безопасности и войнах памяти (Mälksoo 2015; Севастьянова, Ефременко 2020; Аникин, Линченко 2021; Батищев 2021; Аникин, Конаков 2022; Ефременко 2022; Илларионов, Мосиенко 2023).

Одним из проявлений конфликтности в области политики памяти выступает «культура отмены». И хотя ее отдельные механизмы уже имели место в истории, специфика современной ситуации заключается в их объединении в новое явление. Это в значительной степени обусловлено закреплением во многих государствах массовой демократии в качестве главного легитимирующего института и развитием цифровых технологий. Первый фактор повысил значимость этических компонентов в политике; второй, расширив возможности коммуникации между акторами, активизировал мемориальный дискурс.

В настоящей статье «культура отмены» рассматривается как социально-политическая технология (Щенина 2023). Такой подход позволяет включить в орбиту исследования множество практик канселлинга: цифровой бойкот, публичное отстранение от объекта отмены, массовая критика в социальных сетях, призывы к использованию административного ресурса для исключения объекта отмены из публичного поля и т.д. С этой точки зрения «культура отмены» выступает одной из форм социального ostracism, которая отличается, например, от физической расправы над оппонентом тем, что направлена в первую очередь на ограничение доступа объекта отмены к дискурсу посредством символического насилия и мобилизации сторонников.

«Культура отмены» – сложный и противоречивый феномен. С одной стороны, многие ее кейсы рассматриваются в качестве дисфункционального механизма, связанного с искажением смысла, агрессией и манихейским взглядом на мир (Шураева, Коринец 2022). С другой стороны, она интерпретируется как реакция на нарушение норм и правил определенного общества (Дериглазова, Погорельская 2023). На наш взгляд, следует отказаться от рассмотрения данного феномена с одной нормативной позиции и анализировать его диалектически.

Цель статьи заключается в выявлении специфики «культуры отмены» в контексте политики памяти. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие исследовательские задачи:

а) теоретически обосновать использование понятия «режим мнемонической безопасности» в качестве инструмента анализа «культуры отмены» как новой формы социального остракизма; б) охарактеризовать функционирование режимов мнемонической безопасности в условиях цифровизации.

Концептуальная рамка исследования

В настоящей статье политика памяти понимается как деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования (Малинова 2019). Представления о коллективном прошлом появляются в результате «сборки» политических проектов, имеющих своей целью репрезентацию определенной версии истории и борьбу за доминирование в публичном пространстве.

Политические проекты прошлого являются не предзаданными, а выступают результатом борьбы за значение означающего. Их цель – завоевание гегемонистского положения в дискурсе (Laclau, Mouffe 2001). Любой такой проект стремится представить себя в качестве единственного, непротиворечивого и полного, поскольку это позволяет претендовать на позицию объективной истины. Но социальная реальность состоит из партикулярностей, которые не позволяют «сборке» замкнуться в тотальность, оставляя тем самым пространство для политической борьбы и постоянного изменения границ идентичности.

Акторы проводят конструирование политических проектов прошлого, претендующих на единственную интерпретацию социальной реальности. Борьба между ними продолжается до тех пор, пока определенная позиция не принимается всеми сторонами конфликта, который может решаться антагонистическим или синергетическим способом¹.

Анализ этих процессов мы предлагаем осуществить через режим мнемонической безопасности. В целях концептуализации разобьем словосочетание на две части – режим памяти и режим безопасности. Эти концепты разрабатывались в разных контекстах и для разных целей, но оба направлены на изучение режимов в качестве определенных институтов, цель которых заключается в стабилизации сети.

Понятие «режим памяти» довольно часто используется при изучении политики памяти, однако концептуализировано слабо. М. Бернхард и Я. Кубик определяют его как доминирующую модель политики памяти, существующую в данный момент в отношении конкретного события в прошлом или процесса, имеющего важные последствия (Kubik, Bernhard 2014). Данную методологию на практике применил, например, И.А. Ушпаров, показав, что в Кабардино-Балкарии сформировался раздробленный режим памяти (Ушпаров 2023).

¹Более подробно см.: (Невзоров 2017).

Особо выделим статью О.Ю.Малиновой «Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации». В работе отмечается, что режимы памяти: 1) формируются по отношению к какому-либо историческому событию, то есть направлены на создание биографии группы; 2) конструируются посредством интеракции между акторами, которые артикулируют различные нарративы о прошлом; 3) представляют собой «идеационные структуры»; 4) описывают доминирование одних версий памяти о событиях и маргинализируют другие; 5) отличаются динамичностью (Малинова 2020).

Таким образом, режим памяти рассматривается как дискурсивный конструкт в антагонистической структуре конфликта, который складывается в результате символического насилия одних акторов над другими.

Понятие «режим безопасности» разрабатывалось в первую очередь с опорой на теорию рационального выбора. Мы считаем такой подход слишком узким: акторы, ответственные за принятие политических решений, основываются не столько на рациональности, сколько на убеждениях и нарративах, которые действуют в качестве шаблонов для анализа. Эти шаблоны помогают политикам ориентироваться в социальной реальности, а следовательно, предсказывать поведение других государств на международной арене и, исходя из этого, корректировать свое поведение (Sharifo, Bonham 1973).

Также понятие «режим безопасности» разрабатывалось в рамках теории международных режимов. Ее представители считают, что утверждения об анархичности системы международных отношений преувеличены. Анархия существует, но может быть ограничена посредством связывания акторов взаимными обязательствами, формирующими долгосрочное благо. Соблюдение достигнутых договоренностей будет приносить ясность во взаимодействие до того момента, пока действуют сами режимы.

Р. Джервис полагает, что режим безопасности основывается на формальных институтах, и определяет его как принципы, правила и нормы, которые позволяют государствам ограничивать свое поведение и быть уверенными в том, что другие поступят так же (Jervis 1982). Для объяснения своей концепции автор использует так называемую дилемму заключенного, исходя из которой эгоистичное поведение, направленное на получение краткосрочной выгоды, является проигрышной стратегией. Режим безопасности предполагает такое сотрудничество, при котором акторы понимают, что на краткосрочной дистанции они могут что-то потерять, но в долгосрочной перспективе получают намного больше. Р. Джервис признает, что формирование режима безопасности является крайне трудоемкой работой, которая успешна в небольшом проценте случаев. В качестве примера режима безопасности он рассматривает Венскую систему международных отношений, когда после Наполеоновских войн европейские державы выработали единые принципы сосуществования и подавления революций. Анализ ситуации на международной арене в 80-е гг. XX в. позволяет автору сделать вывод о том, что советско-американские отношения не могут рассматриваться в качестве режима безопасности, поскольку, во-первых,

большинство соглашений связаны с личными интересами акторов; во-вторых, регулирующие прецеденты не являются ни конвенциональными, ни обязательными; в-третьих, они игнорируются сторонами при первой же возможности (Jervis 1982).

Однако анализ исключительно формальных институтов не позволяет корректно определить процессы принятия решений при артикуляции политического проекта, поскольку в этом случае упускаются другие значимые акторы в структуре конфликта. Для концептуализации режима мнемонической безопасности обратимся к подходу, разработанному Ст. Краснером. Он рассматривает международные режимы как «неявные или явные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в данной области международных отношений» (Krasner 1982: 186). По мнению автора, из-за чрезмерно узкой трактовки режима безопасности Р. Джервис упускает из виду многие факторы международных отношений, которые позволяют институционализировать конфликт. Ст. Краснер приравнивает международные режимы к режимам безопасности: в процессе интеракции государства ограничивают свои действия в первую очередь не посредством формальных договоренностей, а с помощью неформальных институтов, которые регулируют действия акторов для достижения долгосрочного блага. Для существования режима акторы должны ощущать определенное чувство общности, которое и формирует долгосрочное благо, а также создает стимулы для межгосударственного сотрудничества.

Подведем промежуточные итоги. Изучение режимов мнемонической безопасности является новым направлением в исследовании политики памяти. Этот концепт выступает зонтичным для двух других понятий – режим памяти и режим безопасности. Исходя из этого, мы определяем режим мнемонической безопасности как *политический проект, включающий символы прошлого и основывающийся на формальных и неформальных институтах, которые ограничивают действия акторов для достижения долгосрочного блага*. В текущих условиях осыпания «глобальной» мемориальной культуры и пересборки социальной реальности доминируют антагонистические режимы мнемонической безопасности.

Режим мнемонической безопасности может действовать на нескольких уровнях: макроуровень (международные отношения), мезоуровень (государство), микроуровень (группа). При этом каждый режим стремится стать универсальным, перейти на макроуровень. В прошлом такой переход был затруднен в связи с низкой скоростью информационно-коммуникационных актов. Благодаря развитию Интернета любая группа может представлять свою частную позицию как всеобщую, увеличивая тем самым количество режимов мнемонической безопасности и усиливая конкуренцию между политическими проектами. «Культура отмены» является одним из главных инструментов в этом процессе, поскольку позволяет за короткий промежуток времени мобилизовать сторонников против конкурентной сети, поддерживающей другой режим мнемонической безопасности.

Итак, режим мнемонической безопасности формируется вокруг долгосрочного блага, которое необходимо защищать. Ключевым благом выступает идентичность сообщества. А поскольку конфликт исторических нарративов – это один из факторов применения насилия, но не сама причина, именно «культура отмены», на наш взгляд, является ключевой технологией сохранения или уничтожения режима мнемонической безопасности.

Режимы мнемонической безопасности в условиях цифровизации

Современный мир проходит точку бифуркации, отличающуюся хаотизацией и многовекторностью дальнейшего развития. Состояние международной среды описывается как «асинхронная многополярность», которая характеризуется разной скоростью адаптации этой среды к многополярности и отсутствием четкой иерархии (Барабанов и др. 2023). Эти процессы отражаются на всех сторонах политики. Если после окончания холодной войны доминировали оптимистичные ожидания, что в области политики памяти будет превалировать диалог, то сегодня они кажутся утопией. То же самое касается цифрового оптимизма: наблюдается рост опасений по поводу нового авторитаризма, цифровой слежки, роста влияния «негражданского общества» (Волкова, Лукьянова, Мартыанов 2021).

В этой связи необходимо обратить внимание на новые вызовы и угрозы, которые возникают вследствие почти повсеместного распространения Интернета. Цифровизация представляет собой настолько масштабное явление, что кардинально меняет сознание людей (Городецкий 2023). Раньше коммуникация осуществлялась через такие средства массовой информации, как газеты, радио, телевидение, которые отличались пользовательской пассивностью (потребитель был минимально вовлечен в процесс создания и распространения информации). Сегодня растет значимость новых медиа, а значит, роль мемориального дискурса в цифровом пространстве. Как отмечают исследователи, развитие Интернета стало для *memory studies* событием, которое четко разделило «до» и «после» (Hoskins 2017).

Цифровое пространство создает новые формы памяти. Например, мы можем зафиксировать разрыв между «аналоговым» и «цифровым» поколениями. Одним из продуктов данного разрыва является трансформация памяти. При этом происходящие изменения совмещают в себе две разнонаправленные тенденции – синкретизм и динамичную целостность (Саймонс и др. 2019). Шаткое единство этих разрозненных состояний обеспечивается скоростью информационных потоков, которые позволяют актерам не замечать постоянных разрывов в нарративе, поскольку он непрерывно трансформируется.

Кроме того, в условиях цифровизации существенно усилился голос миноритарных групп. Одним из инструментов пересборки их идентичности выступает «культура отмены». Апелляция к травматичному прошлому свидетельствует о нарастании процессов трансформации коллективных идентичностей. В результате обостряются конфликты между «старыми»

и «новыми» политическими проектами. Новые медиа становятся площадкой для реорганизации дискурсивного пространства, выступая тем самым основой для создания новых идентичностей (Котунова 2024).

Следует отметить, что если изначально «культура отмены» ассоциировалась преимущественно с левыми политическими силами, которые успешно мобилизовали своих сторонников в социальных сетях, то сегодня к использованию данной технологии прибегает все большее число акторов. Так, например, исследователи отмечают роль гражданского общества в инициировании отмены отдельных лиц, брендов и медиатекстов в КНР. Это вызвано особенностями китайского цифрового национализма, который предполагает, что после «столетия унижений» нельзя допускать, чтобы иностранцы очерняли образ страны (Ng 2022). Также отметим масштабную отмену публичных лиц в России, выступивших против специальной военной операции на Украине, и попытки отмены русской культуры на Западе. Это проявляется в том, что объектам отмены отказывается в возможности влияния на публичный дискурс.

Выделим характерные черты современной реальности, влияющие на трансформацию образов прошлого и появление «культуры отмены».

Конфликт «старых» и «новых» режимов мнемонической безопасности. Новые движения благодаря развитию цифровых технологий усилили свой голос и тем самым утратили статус субальтернов. Несмотря на пафос деколонизации или сексуальной революции, классические средства массовой информации выступали в роли «привратников» (gatekeepers) для доступа к публичному дискурсу. Развитие новых медиа позволило гораздо более эффективно продвигать альтернативное видение истории, вступая в конфликт с классическими проектами прошлого. Акторы, входящие в «старые» сети режимов мнемонической безопасности, вынуждены защищать свои нарративы. Сформировалась антагонистическая структура, не имеющая общего пространства для диалога.

Отсутствие ресурсов для установления своего режима мнемонической безопасности в качестве всеобщего. Наличие альтернативных режимов мнемонической безопасности не является основанием для прямого физического насилия с целью навязывания своей интерпретации социальной реальности. Поэтому акторы вынуждены конструировать закрытые нарративы, которые не направлены на интеракцию с остальными. Для этого создаются так называемые мнемонические воины (mnemonic warriors), задача которых – закрепить определенную интерпретацию прошлого (Kubik, Bernhard 2014).

Отказ от делиберации в пользу конфликта как способа разрешения противоречий. Конфликт нарративов и отсутствие общего диалогового поля приводят к тому, что память о прошлом все чаще воспринимается как то, что необходимо защищать для продолжения существования группы. Поэтому оспаривание памяти со стороны других акторов запускает алгоритм дилеммы мнемонической безопасности (Севастьянова, Ефременко 2020; Ефременко 2022). Это влечет за собой «застывание» нарративов внутри режимов мнемонической безопасности и не позволяет начать диалог

об изменении позиций внутри структуры конфликта. При этом следует отметить, что отказ от делиберации – симптом возвращения политического в политику. Делиберативная политика является способом предвосхищения и преодоления политического события (Савин 2023). Если в политике доминирует антагонизм, это значит, что противоречия между сообществами вышли на столь серьезный уровень, что могут быть разрешены не благодаря коммуникативному акту, а лишь посредством гегемонистской интервенции, то есть аннигиляции одной идентичности в пользу другой.

Поскольку сегодня доминируют антагонистические структуры конфликта, необходимо рассмотреть ключевые стратегии «культуры отмены». В их основании лежат определенные этические принципы, которые и позволяют режимам безопасности претендовать на позицию всеобщности.

Первая стратегия представляет собой *апелляцию к справедливости*. Она черпает свою легитимность из воображаемого прошлого, которое станет справедливым после наказания всех угнетателей. В рамках данной стратегии происходит «позитивная эссенциализация», когда угнетаемые онтологически имеют приоритетный статус в сравнении с угнетателями. Поэтому технология «культуры отмены» зачастую предполагает, что объект канселлинга оказывается виновным априори, без процедуры доказывания вины.

Это «стратегия нападения» новых идентичностей для установления своего режима мнемонической безопасности в качестве всеобщего. Например, антирасистские протесты часто направлены на борьбу с памятниками, которые закрепили в качестве национальных героев целый ряд исторических личностей. Главный аргумент заключается в том, что они являются воплощением расистской эпохи. Протесты приводят к столкновениям как с защитниками памятников (которые тоже могут маркироваться как расисты), так и с полицией. Ключевой причиной агрессии разных групп по отношению друг к другу является излишняя политизация проблемы, что делит сообщества по принципу «друг – враг». Актеры, придерживающиеся данной стратегии, во-первых, маркируют себя на дискурсивном уровне как авангард мировой истории, борющийся с последним оплотом реакции; во-вторых, рассматривают свои нарративы в качестве единственно возможных и универсальных; в-третьих, обозначают противоборствующие нарративы и группы как «варварские».

Вторую стратегию можно охарактеризовать как *апелляцию к исторической правде*. Она черпает свою легитимность из воображаемого прошлого, которое закреплено в моменте единственности и объективности. С этой точки зрения актору необходимо отстаивать память предков, чтобы противостоять историческим спекуляциям, направленным на разрушение идентичности группы. Такая стратегия используется в первую очередь государствами в целях консолидации общества и минимизации внешнего влияния.

Это «стратегия защиты» в целях сохранения доминирующего режима мнемонической безопасности. Так, например, одним из условий вступления Польши и стран Прибалтики в Евросоюз была «проработка

коммунистического прошлого», то есть фактически отказ от него. В этих странах утвердился нарратив о двух системах тоталитаризма, согласно которому Советский Союз и нацистская Германия одинаково виновны в начале Второй мировой войны, а государства Восточной Европы являются жертвами агрессии. Это позволило принявшим его странам стать частью Евросоюза, несмотря на невыполнение экономических условий. Следовательно, можно говорить о том, что определенный способ интерпретации прошлого стал основным символическим ресурсом и фундаментом идентичности целых государств. Это привело к усилению конфликтов как внутри стран Восточной Европы, так и между ними и Россией, которая стала главным мнемоническим актором, защищающим ключевую роль Советского Союза в победе над нацизмом.

Выводы

Цель работы заключалась в выявлении специфики «культуры отмены» в контексте политики памяти. В ходе исследования получен ряд научных результатов.

Дано определение режиму мнемонической безопасности как политическому проекту, включающему символы прошлого и основывающемуся на формальных и неформальных институтах, которые ограничивают действия акторов для достижения долгосрочного блага.

Установлено, что в условиях международного кризиса системы международной безопасности доминируют антагонистические режимы мнемонической безопасности, усиливая борьбу различных политических проектов прошлого. Поскольку у акторов нет возможности сделать свой режим всеобщим, ключевым инструментом сохранения своего и маргинализации чужого режима мнемонической безопасности становится «культура отмены».

Охарактеризовано влияние цифровизации на режим мнемонической безопасности. Процессы цифровизации усилили голос миноритарных групп, которые стали активно использовать Интернет как площадку для продвижения своих проектов прошлого. На это последовала реакция «старых» мнемонических акторов, которые также стали применять технологии «культуры отмены» для сохранения своих нарративов.

Определены черты, влияющие на трансформацию образов прошлого и появление «культуры отмены»: конфликт «старых» и «новых» режимов мнемонической безопасности; отсутствие ресурсов для установления своего режима мнемонической безопасности в качестве всеобщего; отказ от де-libерации в пользу конфликта как способа разрешения противоречий.

Выделены ключевые стратегии «культуры отмены» – апелляция к справедливости и апелляция к исторической правде. Первой стратегии придерживаются миноритарные группы и политические партии, стремящиеся заручиться их поддержкой. Вторая стратегия характерна в первую очередь для государств, перед которыми встает дилемма мнемонической безопасности, обусловленная тем, что нарративы, на которых строится на-

циональная идентичность, регулярно оспариваются другими акторами международных отношений.

Таким образом, характерными чертами современного мемориального дискурса выступают атомарность и конфликтность. Если «нюнбергский консенсус» предполагал связывание общей памятью множества акторов в единую сеть, то сегодня она распадается, и на смену ей должно прийти что-то новое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин Д.А., Конаков Д.Н. 2022. Секьюритизация прошлого в условиях общества риска: социально-философский анализ // Социодинамика. № 10. С. 20-29. DOI 10.25136/2409-7144.2022.10.39128

Аникин Д.А., Линченко А.А. 2021. Мемориальные войны в условиях восточно-европейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. № 466. С. 55-63. DOI 10.17223/15617793/466/6

Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. 2023. Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазии о будущем без иерархии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/attestat-zrelosti-2023/> (дата обращения: 12.06.2024).

Батищев Р.Ю. 2021. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. Т. 2, № 1. С. 34-42. DOI 10.15826/tetm.2021.1.005

Волкова А.В., Лукьянова Г.В., Мартянов Д.С. 2021. Цифровой вигилантизм: паттерны и ценностные ориентации // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 22, № 2. С. 37-52. DOI 10.31429/26190567-22-2-37-52

Городецкий М.В. 2023. Онтологический смысл цифровизации: слияние материи и языка // Антиномии. Т. 23, № 1. С. 7-29. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_7

Дериглазова Л.В., Погорельская А.М. 2023. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. Т. 16, № 4. С. 7-33. DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33

Ефременко Д.В. 2022. Память как casus belli // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 6. С. 119-141. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. 2023. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. Т. 23, № 1. С. 30-50. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Котунова О.В. 2024. Культура отмены в структуре мемориального дискурса новых медиа: критический анализ // Galactica Media: Journal of Media Studies. Т. 6, № 1. С. 188-201. DOI 10.46539/gmd.v6i1.446

Малинова О.Ю. 2019. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Политика. № 3. С. 103-126. DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Малинова О.Ю. 2020. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 26-39.

Миллер А.И. 2024. Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом // Россия в глобальной политике. Т. 22, № 3. С. 68-81. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-3-68-81

Невзоров М.В. 2017. Управление внутригосударственными конфликтами с помощью политических проектов: случаи Косово (1992–1999) и Чеченской Республики (1996–2003) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 8, № 1. С. 44–52.

Савин Н.Ю. 2023. Демократия и политические события. Москва : Издательский дом ВШЭ. 200с.

Саймонс Г.Д., Мухин М.Ю., Олешко В.Ф., Сумская А.С. 2019. Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции: методика междисциплинарного исследования // Коммуникативные исследования. Т. 6, № 4. С. 906–939.

Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. 2020. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. № 2. С. 66–86. DOI 10.31249/poln/2020.02.03

Ушпаров И.А. 2023. Режим памяти в Кабардино-Балкарии: использование нарратива о депортации балкарского народа в региональной политике памяти // Tempus et Memoria. Т. 4, № 2. С. 6–15. DOI 10.15826/tetm.2023.2.047

Шураева Л.Ю., Коринец А.Г. 2022. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. № 12. С. 248–256. DOI 10.26425/1816-4277-2022-12-248-256

Щенина О.Г. 2023. «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможности исследования // Вестник Института социологии. Т. 14, № 4. С. 112–127. DOI 10.19181/vis.2023.14.4.7

Hoskins A. 2017. The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / ed. by A. Hoskins. New York : Routledge. P. 1–24.

Jervis R. 1982. Security Regimes // International Organization. Vol. 36, iss. 2. P. 357–378. DOI 10.1017/S0020818300018981

Krasner S.D. 1982. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // International Organization. Vol. 36, iss. 2. P. 185–205. DOI 10.1017/S0020818300018920

Kubik J., Bernhard M. 2014. A Theory of the Politics of Memory // Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford ; New York : Oxford University Press. P. 7–36.

Laclau E., Mouffe C. 2001. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso. 188 p.

Mälksoo M. 2015. “Memory Must Be Defended”: Beyond the Politics of Mnemonical Security // Security Dialogue. Vol. 46, iss. 3. P. 221–237. DOI 10.1177/0967010614552549

Ng E. 2022. Cancel Culture. A Critical Analysis. Cham : Palgrave Macmillan. 159 p.

Shapiro M.J., Bonham G.M. 1973. Cognitive Process and Foreign Policy Decision-Making // International Studies Quarterly. Vol. 17, iss. 2. P. 147–174. DOI 10.2307/2600226

References

Anikin D.A., Konakov D.N. Securitization of the Past in a Risk Society: Socio-Philosophical Analysis, *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2022, no. 10, pp. 20–29. (In Russ.). DOI 10.25136/2409-7144.2022.10.39128

Anikin D.A., Linchenko A.A. Memory Wars in the East European Frontier: In Search of Research Methodology, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 466, pp. 55–63. (In Russ.). DOI 10.17223/15617793/466/6

Barabanov O.N., Bordachev T.V., Lukyanov F.A., Sushentsov A.A., Timofeev I.N. Maturity Certificate, or the Order that Never Was, *Valdai Discussion Club*, 2023, available at: <https://valdaiclub.com/a/reports/maturity-certificate-or-the-order-that-never-was/> (accessed June 12, 2024).

Batishchev R.Yu. War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: The Main Approaches and Key Actors, *Tempus et Memoria*, 2021, vol. 2, no. 1, pp. 34-42. (In Russ.). DOI 10.15826/tetm.2021.1.005

Deriglazova L.V., Pogorelskaya A.M. The Impact of Cancel Culture on Politics and International Relations, *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2023, vol. 16, no. 4, pp. 7-33. (In Russ.). DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33

Gorodezky M.V. The Ontological Meaning of Digitalization: Merging of Matter and Language, *Antinomii* [Antinomies], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 7-29. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_7

Hoskins A. The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media, *Hoskins A. (ed.) Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*, New York, Routledge, 2017, pp. 1-24.

Illarionov G.A., Mosiyenko M.K. Memory Wars and the Problem of Socio-Epistemological Relativism, *Antinomii* [Antinomies], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 30-50. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Jervis R. Security Regimes, *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 357-378. DOI 10.1017/S0020818300018981

Kotunova O.V. Cancel Culture within the Framework of New Media’s Memorial Discourse: A Critical Analysis, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 188-201. (In Russ.). DOI 10.46539/gmd.v6i1.446

Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables, *International Organization*, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 185-205. DOI 10.1017/S0020818300018920

Kubik J., Bernhard M. A Theory of the Politics of Memory, *Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration*, Oxford & New York, Oxford University Press, 2014, pp. 7-36.

Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*, London, Verso, 2001, 188 p.

Malinova O.Yu. Memory Regime as a Tool of Analysis: Problems of Conceptualization, *Miller A.I., Yefremenko D.V. (eds.) The Politics of Memory in Modern Russia and Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, and Narratives*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 26-39. (In Russ.).

Malinova O.Yu. Who Forms Official Historical Narrative and How? Analysis of Russian Practices, *Politija* [Politeia], 2019, no. 3, pp. 103-126. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Mälksoo M. “Memory Must Be Defended”: Beyond the Politics of Mnemonical Security, *Security Dialogue*, 2015, vol. 46, no. 3, pp. 221-237. DOI 10.1177/0967010614552549

Miller A.I. The Foundations of the “Global” Memorial Culture in Question, *Rossiia v globalnoi politike* [Russia in Global Affairs], 2024, vol. 22, no. 3, pp. 68-81. (In Russ.). DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-3-68-81

Nevzorov M.V. Management of Intra-State Conflicts by Means of Political Projects: Kosovo (1992–1999) and Chechen Republic (1996–2003) Cases, *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS* [Proceedings of the North-West Institute of Management of RANEPa], 2017, vol. 8, no. 1, pp. 44-52. (In Russ.).

Ng E. *Cancel Culture. A Critical Analysis*, Cham, Palgrave Macmillan, 2022, 159 p.

Savin N.Yu. *Democracy and Political Events*, Moscow, Izdatel'skij dom VShJe, 2023, 200 p. (In Russ.).

Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. Securitization of Memory and the Dilemma of Mnemonic Security, *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2020, no. 2, pp. 66-86. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2020.02.03

Shapiro M.J., Bonham G.M. Cognitive Process and Foreign Policy Decision-Making, *International Studies Quarterly*, 1973, vol. 17, no. 2, pp. 147-174. DOI 10.2307/2600226

Shchenina O. G. "Cancel Culture" in Political Discourse: Multiple Forms and Research Opportunities, *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2023, vol. 14, no. 4, pp. 112-127. (In Russ.). DOI 10.19181/vis.2023.14.4.7

Shuraeva L.Yu., Korinets A.G. Social Effect Of "Cancel Culture" on the Digital Environment: The Case of Generations Y And Z, *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2022, no. 12, pp. 248-256. (In Russ.). DOI 10.26425/1816-4277-2022-12-248-256

Simons G.D., Mukhin M.Y., Oleshko V.F., Sumskaya A.S. Digitalization of Communicative and Cultural Memory and Problems of Its Intergenerational Translation: Methods of Interdisciplinary Research, *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Research], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 906-939. (In Russ.)

Ushparov I.A. Mnemonic Regime in the Republic of Kabardino-Balkaria: Using the Narrative of the Deportation of the Balkarian People in Regional Memory Politics, *Tempus et Memoria*, 2023, vol. 4, no. 2, pp. 6-15. (In Russ.). DOI 10.15826/tetm.2023.2.047

Volkova A.V., Lukyanova G.V., Martyanov D.S. Digital Vigilantism: Behavioral Patterns and Value Orientations, *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2021, vol. 22, no. 2, pp. 37-52. (In Russ.). DOI 10.31429/26190567-22-2-37-52

Yefremenko D.V. Memory as Casus Belli, *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], 2022, vol. 20, no. 6, pp. 119-141. (In Russ.). DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-6-119-141

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Андреевич Туркин

лаборант философского факультета Томского государственного университета,
г. Томск, Россия;
ORCID: 0009-0006-9485-1659;
ResearcherID: JMC-4419-2023;
SPIN-код: 8245-0570;
E-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Turkin

Laboratory Assistant, Faculty of Philosophy,
Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
ORCID: 0009-0006-9485-1659;
ResearcherID: JMC-4419-2023;
SPIN-code: 8245-0570;
E-mail: ilya.turkin2001@gmail.com